

Фонарь

Над городом висит густой туман.
Уснул в нём город холодцом на блюде.
Забыл, что было, словно в стельку пьян,
и городу плевать, что завтра будет.

Зачем сейчас всё это говорю?
Не спрашивай, поверь, я сам не знаю.
Я целовал бы стёкла фонарю,
за то, что он хоть что-то освещает.

Таким, как я. Спасибо, милый друг.
Ну как вознаградить вас, хоть немного?
Хотите, я теплом согрею рук
озябшую стальную вашу ногу?

...Под утро мой фонарь опять уснёт.
Пусть фонарю приснится... фонариха.
И будет он шептаться напролёт
всю ночь о чём-то с нею тихо-тихо.

И пусть туман сырую сеет хмарь.
Пусть грусть тоской живые души гложет.
Но светит,
светит,
светит – мой фонарь!

И город жив!

И я, похоже, тоже...

М. И. Цветаева

И шёпот ласковый, и боли
мой дерзкий крик.
Вдруг вольный ветер в чистом поле
к земле приник.

Земля... Земное притяжение –
в глоток могил.
А на надгробье перьев тленьё –
ЛЕТАВШИХ! – крыл.

Бойтесь? Дети ваших страхов –
и клеть, и плеть.
Но к вам восстану я из праха.
Пройдёт сто лет,

вам очи отворит мой витязь,
мой верный Вий.
Не верившие, опалитесь
в моей любви.

Елабуга – Омск, сентябрь 2022 г.

Нищий

Читает ноги походок – влёт:
во что, кто и как обут.
вот этот башмак, безусловно, жмот,
а этот ботинок – плут.

Идёт, осчастливив дорожную пыль,
начищен, аж искры из глаз, –
сапог-элегант демонстрирует «стиль»
и, может, на хлебушек даст?

Собой любуясь в глазах людей,
поблаготворит на миру.
...На людях щедрее любой злодей,
за грош приобщаясь к добру.

...Горчит на дёснах насущный хлеб.
И чуешь спиною кож,
что нищий плюнет украдкой вслед
тому, кто швырнул ему грош.

Аркадий Кутилов

Финал. Подранок на излёте.
И жизнь –
 пятак.
Я здесь чужак. Меня добыёте.
Я знаю
 как.
Мои стихи, как угли в горнах, –
 для новых
 вех.
Они застряли костью в горлах
 у вас
 у всех.
Но не спалил моих тетрадей
 доносов
 яд.
Мой верный Санчо, друг Геннадий,
 спасибо,
 брат.
В гранитной глыбе на Аллее
 наш дух
 притих.
...Но он посмертно бронзовеет,
 мой
 стих.

* * *

Нету птиц чернее ворона.
Как повенчанное с тьмой,
вороньё кружит над городом,
над тобой и надо мной.

В ветхом домике на улице,
где дымок идёт из труб,
старичок, чудака и умница,
флейтою коснётся губ.

И мелодия разбужена!
О любви. И до утра
волшебством плывёт над лужами,
сквозь невзгоды, сквозь ветра.

И притихнет вмиг над городом
хищный грай несметных стай...
Птицы нет чернее ворона.
Флейта,
 милая,
 играй.

* * *

Стихи – как зарубки, как раны,
зажившие в мирной глуши.
А тронешь – и взвояет гортанно
упругое тело души.

Опять ты любим или брошен.
Опять ты подлец или герой.
Сюжетами призраки прошлого
маячат за каждой строкой.

И снова колотится сердце.
А ты словно встрече не рад.
Захлопнется книжка, как дверца
в цветущий лирический сад.

...Останки засохших растений
пылятся на полках вокруг.
Но ждёшь, как дурак, вдохновений.
А вдруг поцелуют?..
А вдруг?

В троллейбусе

Кондуктор в троллейбусе... Скука какая...
На плечи наброшен платочек неяркий.
Я – воздух стою и, как рыба, глотаю:
она – вы представьте! – читает Петрарку!

Планета в когтях XXI века
безбожно в сетях и в айфонах зависла.
А женщине этой с лицом – Человека! —
сонеты Петрарки исполнены смысла.

Такое случается в жизни нервной,
где все что-то делят, спуют и считают, —
поэзией вспыхнет унылая проза.
...А женщина просто —
сидит и читает.